

НАДЯ ДЕЛАЛАНД

ПОЦЕЛОВАТЬ ВИКТОРА Р рассказ

Предупреждение (сам факт такого предупреждения должен особенно насторожить бдительного читателя)

Все совпадения с реальностью прошу считать случайными и даже напрасными: все события и всех героев – вымышленными на беговой дорожке, на которой сегодня утром (на самом деле, ближе к полудню) я мотала свои эластичные 300 метров (тут я преувеличиваю, округляю и моментально в этом сознаюсь, подчеркивая тем самым свою натужную честность).

*Как человек, влюблённый в Бога,
ищет подсказок и совпадений
в окружающей его реальности, так и мы¹.
Надя и Пьер Делаланд*

Люся потрогала большим пальцем левой ноги прохладно-острый угол тумбочки, резко села на кровати и одновременно вспомнила, что натворила вчера. Стащив с тумбочки ноут, она открыла его и набрала новости про Виктора Р. Вывалилось примерно 100500 текстовых прямоугольничков, требующих немедленного продолжения. Она кликнула на какой-то в самой чаще и гуще.

«Сегодня в 3 часа 14 минут пополудни рядом с подъездом, в котором он проживает, был поцелован известный писатель Виктор Р. На видео с камеры наблюдения вы можете видеть, как это происходило. Скорая помощь, вызванная буквально спустя пару минут кем-то из прохожих, увезла Виктора в больницу. Писатель пока не приходил в сознание, врачи оценивают его состояние как стабильно тяжёлое, делают всё возможное и не дают никаких прогнозов. «Новости минуты» будут следить за развитием событий».

Ниже располагалось мутноватое видео, нарезанное с запасом, хотя делов-то было секунд на десять. Люся посмотрела все две минуты, сначала морщась от нетерпения, потом от неловкости, потом просто морщась. На видео стайка нахохленных поклонниц тусовалась рядом с подъездом, выборочно посиживая на низкой ограде через дорогу напротив. Скоро дверь подъезда волшебным образом распахнулась (угол обзора у камеры позволял увидеть только верхний кончик этой двери и нездешний восторг на просиявших лицах ждущих, отразивший пришествие их кумира). Девушки улыбались, переступая с ноги на ногу, и что-то протягивали на почтительном расстоянии – то ли подписать, то ли съесть. Одна из них, единственная с пустыми руками, внезапно преодолев прозрачную стену неприкосновенности, подошла к невысокому человеку в чёрных очках (он уже успел ступить в зону основательной видимости камеры и несколько раз повернуть голову налево и направо) и чёрной же шапочке, со значением посмотрела ему в очки и поцеловала в губы. Практически сразу ноги у человека подкосились, и он как был (в чёрных очках и чёрной шапочке) рухнул наземь. Девушка постояла секунд пять и стремительно ушла. Запись на этом заканчивалась. Люся ещё дважды пересмотрела с того момента, как её цифровая копия отделяется от толпы товаров и подходит к Р. Волосы у копии растрепались, куртка зверски её полнила, она и не предполагала, что выглядит такой массивной. Странно, в зеркале этого не заметно. Люся соскочила с кровати, побежала на цыпочках в близкую светлую прихожую съёмной квартиры, надела куртку, покрутилась в ней перед икеевским небольшим зеркалом (которое она сама покупала взамен хозяйскому, чуть треснувшему с краю и нагонявшему на неё тоску), сняла, бросила на пол, сходила в ванную за маникюрными ножницами, села рядом с курткой и принялась её методично резать.

*

Виктор Р. аккуратно сгрёб салфеткой со стола яичную скорлупу, выбросил всё в мусор и тщательно помыл руки. Он не любил выходить из квартиры, и то, что сегодня ему предстояла встреча в кустах с новым редактором, его сильно нервировало и заранее фрустрировало. Он взял телефон и нажал на помеченный звездочкой контакт «мяка».

– Привет. Посмотри, пожалуйста, а то я что-то не пойму... я не начал лысеть? – Виктор принялся крутить телефон и бритую наголо голову так, чтобы собеседник погиб на месте от морской болезни.

– Витя, всё в порядке, – пожилая женщина по видеосвязи добродушно прищурилась и напомнила сову из советского мультика про Винни-Пуха, – за последние два года ничего не изменилось.

– А вот тут посмотри, справа, мне кажется, залысина стала глубже и шире, – Виктор изрядно наклонил и приблизил к телефону правую часть лба и одновременно сам попытался увидеть себя.

– Да нет, вроде бы всё так и было, – мама засопела и поправила ворот халата.

– Точно?

– Да.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– Посмотри внимательно.

– Я смотрю, всё в порядке.

– А вот я не уверен.

– А ты займись делом каким-нибудь, переключись. – Мама примирительно и громко подышала. – О чём ты сейчас пишешь?

– Подробности не могу выдавать, – охотно откликнулся Виктор, проводя ладонью по молодой щетине у себя на голове. Но там будет про кошек. А ты знала, кстати, что когда персы с египтянами воевали за Пелузий, персидский царь Камбиз какой-то там (кажется, второй) никак не мог взять штурмом этот город? И знаешь, что он придумал?

– Чего?

– А ему в голову пришла омерзительнейшая провокация. Понимая, что египтяне почитают Анубиса, Баст и Тот, он выпустил вперёд своего войска кошек, собак и ибисов.

– Вот гад какой! – мама поёжилась.

– Ага. Но я это дело так не оставляю. Кстати, они могли бы ему ответить тем же. Например, выпустить навстречу ежей. Праведный зороастриец, когда видел «кляющую остромордую собаку» (так они называли ёжиков), должен был отступить и поклониться. – Виктор вздохнул. – Правда, боюсь, ежей у египтян просто не осталось.

– Почему это?

– Они их ели, – Виктор прошёл в комнату, взял со стола проездной.

– Фу!

– Да, они готовили их в глине, – Виктор покрутил в руках зонтик и положил обратно на полку. – Обмазывали глиной иголки, а когда еж запекался, снимали её вместе с иголками.

– Ужас какой! Зачем ты мне такое рассказываешь?!

– Ладно, не буду больше. Всё, мне пора выходить. Пока. Подожди. Я точно не облысел?

– Точно.

– Ты уверена?

– Да.

– Посмотри ещё раз!

– Витя!

– Не облысел?

– Нет!!!

– Ладно, пока!

Виктор нажал отбой, потом снова набрал «мяку».

– Мама, а ещё посмотри, у меня зубы не искривились? – он дико оскалился в телефон.

– Нет, ровные.

– А вот тут... вроде щель рядом с клыком образовалась, которой не было...

– Да нет там никакой щели, всё хорошо.

– Уверена? – спросил Виктор с нажимом.

– Да.

– Ну ок, пока.

Виктор сбросил, нажал ещё раз и, не дожидаясь гудка, снова сбросил, засунул телефон в карман штанов, натянул чёрную шапочку, надел чёрные очки, обулся и вышел из квартиры. Вернулся, снял с крючка куртку и снова вышел.

*

Когда он показался из двери подъезда, то сразу заметил нехорошо обрародовавшихся ему девушек. Он замешкался, прикидывая, каким образом ему следует построить свой путь, чтобы минимально с ними

контактировать, и решил уже обойти вражескую армию с правого фланга, но в этот момент одна из дев приблизилась к нему вплотную, посмотрела сквозь непроницаемые очки и поцеловала. Виктор впервые почувствовал на своём плотно сомкнутом рте нежные девичьи губы – влажные и холодные. Это было так странно и дико, настолько не вписывалось в его сегодняшние и без того страшные планы, что сработали предохранители его психики, и он отключился.

*

– Эй, – Люся попыталась продрасть сквозь веселье, царящее с той стороны смартфона, – не могу приехать, говорю. Ну потому. Потому что. Куртки нет. Я её порезала. Реально? А ты как? Точно не нужна? Уверена? Ну ок, я ща такси тогда возьму.

Люся быстро натянула джинсы и фиалковый свитшот, надела тонкую демисезонную куртку и набила в приложении адрес Ганны Че. Машина обещала подъехать через шесть минут.

Когда Люся спустилась, приложение врало, что машина её уже ожидает. Но никакой машины не было, а было темно, пустынно, холодно и по-над дорогой на красный свет невидимый великанский мальчик тащил за собой, как гусеницу на палочке, белый пустой пакет из Пятерочки. Люся вспомнила твёрдые губы Виктора и снова пережила вчерашние восторг и ужас. В весенней куртке почему-то больше всего дубела спина. Люся прижимала к груди обеими руками сумку, и это придавало крафтовому тряпичному недоразумению новую ценность. Люся даже представила, как мимо неё проходит бандит и старается выдрать сумку, но не тут-то было. Она проиграла в воображении, как не просто не отдаст свою прелесть, но и нападёт мерзавцу ногой в тяжёлом Мартинсе. Разъярённая и прекрасная она плюхнулась в белый фольксваген на заднее сиденье.

– Включите печку по сильнее, – попросила она, – пока я вас ждала, отморозила себе мозги, – она не знала, почему внезапно выбрала именно эту часть своего брэнного тела, но слово, как говорится, не воробей.

– Мозги? – с лёгким, но оскорбительным нажимом переспросил водитель, выкручивая руль, чтобы съехать на дорогу, и характерно поворачивая при этом голову в чёрной шапочке и чёрных очках.

Люся сразу узнала его. Могла ли она его не узнать?!

– Как это? – только и сумела прошептать она. – Ты разве не в больнице?

– Как видишь, – голос был таким же непроницаемым, как очки. – Я должен тебе кое в чем признаться.

Поскольку пораженная Люся молчала, он продолжил.

– Дело в том, что я серьёзно болен. И это не главная новость. Главная новость состоит в том, что теперь больна и ты.

– О боже... чем?

– Не имеет значения, как это называется, и, по правде сказать, я даже точно не знаю, как болезнь будет проходить у тебя, но ты от меня заразилась.

– Откуда ты знаешь? Надо же сдать анализы...

– Анализы не нужны. Но раз ты меня видишь сейчас... ты ведь меня видишь?

Люся кивнула.

– Ну вот, значит, ты больна. Не пугайся. Просто наблюдай. Не вмешивайся. Отнесись к этому как к интересному опыту. Как только я пойму твои симптомы, мы попробуем остановить болезнь.

– Хорошо, – Люся немного помолчала. – А как болеешь ты?

В это время они свернули на трассу, по краям которой улыбались из-под пушистых усов запорошенные сверкающим снегом сосны.

– Я вообще не просыпаюсь.

– Ммм... в смысле, ты впал в кому и не можешь проснуться?

– Не совсем. Я засыпаю, мне начинает сниться сон, хотя я бы ни за что не отличил его от яви, а потом вместо того, чтобы проснуться, я снова засыпаю и мне начинает сниться сон. И так бесконечно. Помнишь, у кого это – чувак просыпался и просыпался в новый сон? А я вот наоборот.

Виктор задумался, и Люси уже показалось, что он забыл о ней. Или заснул. Она обеспокоенно заглянула ему в лицо. Но он продолжил.

– Сначала я пытался считать, хотя бы примерно, сколько раз я уже заснул, но потом сбился. После десяти тысяч... Да и зачем это? В общем, не удивляйся, когда я засну.

– Главное, не за рулём, – попыталась пошутить Люся. В целом, болезнь ей показалась нестрашной и несколько надуманной. Если не засыпать в ответственные моменты.

– К сожалению, я не умею этим управлять.

– А давно это с тобой?

– Ха-ха, – без всяких эмоций произнёс Виктор. – Это сложно определить.

– То есть ты хочешь сказать, когда я вчера поцеловала тебя, это как раз был тот самый момент, когда ты провалился в свой очередной сон?

Виктор снова надолго замолчал. Его молчание можно было интерпретировать по-разному. Например, Люся задала idiotский вопрос, и он не собирается на него отвечать. Или он сам не знает ответа, потому что вопрос не из простых. Люся перестала ждать и сосредоточилась на красиво замерзающем по краю окошке.

– Для тебя имеет значение только то, что это был тот самый момент, когда ты от меня заразилась. Я должен предупредить тебя, что эта болезнь передаётся через поцелуи. Это важно, постарайся никого не заразить.

– Теперь мне нельзя целоваться ни с кем, кроме тебя?

– Да.

– Ура! А от кого заразился ты? – Люся никак не хотела сосредоточиться на себе, её интересовали подробности жизни кумира. – Кого ты поцеловал?

– Люся-Люся, – успел сказать Виктор и отключился, а через секунду машина съехала в кювет, несколько раз перевернувшись. Люся почувствовала, как её тряхнуло, подбросило и стукнуло головой, в ту же секунду она открыла глаза в своей комнате. Звонил телефон.

*

– Алло, – офигевшая Люся пыталась сообразить, что к чему, но пока в голове (которая, к слову, сильно болела, как будто Люся и в самом деле только что зверски треснулась ей о потолок в машине), всё это не особенно укладывалось.

– Люси, – произнёс без эмоций знакомый голос, – открой, пожалуйста, дверь.

Люся, взлохмаченная и неумытая, прошла мимо икеевского зеркала и даже не взглянула на себя. Открыв дверь, она обнаружила на пороге Виктора. Чёрные очки мистически поблескивали. В руках у него был коньяк и прозрачный пакет с лимонами.

– Я не пью, – Люся отодвинулась к стене, давая ему пройти.

– Я тоже, – он снял куртку и, не разуваясь, прошёл на кухню. – Это для другого.

На кухне Виктор по-хозяйски достал рюмки, помыл прямо в пакете лимоны и принялся их ловко нашинковывать прозрачными колечками на разделочной доске, которую Люся куда-то задевала в позапрошлом месяце и уже смирилась с пропажей.

– Садись, – он показал ей подбородком на табуретку, – у нас мало времени. Слушай.

Люся слушала и обмирала. Мир сошёл с ума, время вышло из сустава.

– А если я не смогу?! – в голосе заискрились истерические нотки.

– Тогда ничего не получится, – лицо Виктора ничего не выражало.

– Сними очки, – внезапно потребовала Люся.

– Зачем?

– Я хочу увидеть твои глаза.

– Не уверен, что это хорошая идея.

– Тогда я отказываюсь участвовать в этой ереси. Это же бредятина... Ну сам подумай, куда мы там вынырнем? С чего ты взял, что это так работает?

– Это моя гипотеза, и мы с тобой уже семь раз её успешно проверили. Надо спешить, пока ещё не слишком много оборотов сделано.

– А почему я ничего не помню?

– Потому что здесь с тобой это ещё не произошло.

– А если мы умрём? Траванёмся этим твоим секретным ингредиентом?

– Да нет, вряд ли. – Виктор взял влажной рукой бутылку и придирчиво осмотрел её этикетку, вернул на место и дорезал последнее лимонное колечко. – Гарантии, конечно, нет, что всё будет так, как я предполагаю, но просто давай попробуем.

Он достал из кармана небольшой бумажный свёрток, положил его на стол и медленно развернул. В центре мятой бумажки покоился кусочек коры.

– И это твой секретный ингредиент? – Люся потрогала кору пальцем, как сдохшую канарейку. – А почему ты решил, что я начну от этого засыпать, а ты просыпаться?

– Долго объяснять. У нас мало времени. Смотри. Тут важна последовательность. Сначала мы едим кору, тебе надо её мелко-мелко разжевать. Она горькая и противная. Но ты должна её проглотить, потом съесть как можно больше лимонов, и когда почувствуешь, что больше уже не можешь, надо запить всё коньяком. Дальше ты почувствуешь, что засыпаешь. Здесь важно открыть глаза внутрь. И ты как бы окажешься в своём прошлом сне.

– Да, я это поняла. Но там ведь не будет всего этого гастрономического роскошества, чтобы двигаться дальше.

– Предоставь это мне. Ты не представляешь себе... – он замолчал.

– Договаривай, – Люся напряглась.

– Ты не представляешь себе, чего мне стоило добраться до *здесь и сейчас*. Осталось совсем немного.

Давай постараемся не откатиться.

– Постой. Если я правильно поняла, ты хочешь, чтобы мы отмотали всё на до поцелуя, да?

– Да.

– То есть, с тобой всё будет по-прежнему?

– Да.

– Ты не сможешь проделать всё то же самое для себя и того человека, от которого ты заразился.

– Нет, не смогу. И это был не человек.

– Животное? Ты поцеловал животное?

– И не животное.

– А кто?

– Я бы не хотел сейчас в это углубляться. Есть ли у тебя вопросы по существу?

– Зачем тебе нужно, чтобы я не заразилась?

– Это нужно тебе, просто в этой точке ты об этом ещё не знаешь. Есть ли у тебя ещё вопросы по существу?

– Да. Ты снимешь очки?

– Нет.

Люся протянула руку и сняла с Виктора очки.

Кухня поплыла перед её глазами. Виктор стремительно вернул очки обратно.

– Люси, только не отклаучайся, подожди, – он поднёс к её рту кусочек коры. – Откуси немного и жуи.

Вот так, да. Разжуй мелко. – Он тоже откусил небольшой кусочек. – Не закрывай глаза, подожди. Тише, тише, – Виктор подхватил сползающую с табуретки Люсю под мышки. Она старательно жевала, глаза у неё подкатывались. – А теперь глотай. И вот лимончик. – Он принялся засовывать ей в рот один за другим бледно-жёлтые кружочки. Она морщилась, но послушно открывала рот. Когда она в такт жевательным движениям сделала пару рвотных, он поднёс к её губам рюмку с коньяком. – Залпом! – скомандовал он.

Люся выпила, закрыла глаза и одновременно внутри себя их открыла. Сначала ей казалось, что она падает куда-то спиной. Или какой-то ветер несёт её со страшной скоростью, но внезапно движение полностью остановилось, и она почувствовала, что стоит на морозе в лёгкой куртке, прижимая к груди сумку. Подъехал белый фольксваген.

Люся осторожно открыла дверцу и села рядом с водителем. Он поднёс к её губам кусочек коры, и всё повторилось. Когда вихрь затих, она обнаружила себя дежурящей среди других девиц под подъездом любимого писателя. Дверь открылась. На пороге показался Виктор Р. В руках у него сидела лысая кошка. Чеканным шагом он подошёл к Люсе и вручил ей кошку.

– Её зовут Культовый писатель. – Виктор помолчал, поправил очки и поцеловал Люсю в левый глаз.

Послесловие

– И он что – специально для этого пришёл? – спросила Ганна Че, закуривая и пытаясь попасть колечком дыма на угол тумбочки. Они втроем с Культовым писателем лежали на Люсиной кровати. Культовому писателю что-то снилось, и она подрагивала во сне вибриссами и лапками.

– Он специально для этого родился.

– Ха-ха, – сказала Ганна и выпустила большое неровное кольцо.

– Меня больше интересует другое... – Люся почесала Культовому писателю за ушком.

– Что?

– Проснулся ли он. Или он так и продолжает всё глубже проваливаться в сон?

– Подожди. Но ведь он же не заснул... – колечко дыма наконец идеально село на угол и стало медленно растворяться. – Или ты имеешь в виду – раньше? Слушай, а я не поняла, что у него с глазами?

– Страбизм.

¹ Ну допустим, – подумали вы.

ИЗМЕНА рассказ

– Никак не могу понять, – в её лазурных глазах дрожали и переливались подступающие слёзы, веки и кончик носа нежно покраснели, – как ты мог... ведь это предательство, понимаешь? – она опустила взгляд на тонко нашинкованную капусту, ожидающую своей очереди украсить борщ, и по щекам хлынула настоящий райнский (именно так! – именно так говорил мой приятель-немец) водопад.

Егор понимал. То есть он с сочувствием и раскаянием претерпевал в миллионный раз этот неослабевающий натиск возлюбленной, но не знал, чем на него ответить. Вот ведь как ей объяснишь, что эта была просто... минутная слабость. Это, как ты, милая, любишь имбирь в сахаре и аж трясёшься, когда его видишь, и пока всё не съешь, не успокоишься. Ну вот, и я тоже просто не смог устоять, точнее увисеть, перед чем-то очень вкусным. Я же не знал, что ты узнаешь. Я же не думал, блин, что эта идиотка выложит в инстаграме мою спящую физиономию и тегнет меня. Не это же ему было говорить Еве, но в глубине себя он точно знал, что никакое это было не предательство, а просто всё так неудачно сложилось.

Не повезло. Он вздохнул.

По опыту прошлых бурь он помнил, что надо застиснуться терпением часа на полтора, не спорить, не скупились в уверениях любви, и в конце концов Ева выдохнется, затихнет, уйдёт в спальню и, надев наушники, углубится в очередной нетфликсовский сериал. А Егор нальёт себе всё ещё горячий овощной борщ, добавит сметану и, не чувствуя вкуса, съест. А потом ляжет в проходной комнате на диване, где спит уже два месяца, и будет смотреть видосы, пока сон не разлучит их.

«Завтра суббота», – подумал Егор с тоской. Прошлые выходные были просто эпически дерьмовыми. Он даже придумал слоган, под которым они с Евой разбегутся: *Our relationship is over*. На русский его окказионализм *relationship* переводился с потерями, самым точным и всё же не добивающим по красоте до оригинала было слово «говношения».

Когда начались будни, всё вроде как-то рассосалось, но безделье и праздность – лучшая основа для ссор. Ева гомерически всхлинула и помешала краснокипящее варено в шлемоблещущей кастрюле (Тектор, ты?).

– Мне сложно перестроиться... я не знаю, как вернуться... в доверие, – теперь она стояла к Егору спиной, и он видел, как нервно вздрагивает её плечо в рифму с некоторыми словами, – это как законы физики. Если положить куриное яйцо в кипящую воду на десять минут, то оно сварится вкрутую, и потом можешь его, сколько захочешь, охлаждать, – Ева трагически развела рукой с половником, – оно уже не делается сырым, и уж тем более, из него не выведется цыплёнок.

– Интересный закон физики, – миролюбиво и практически неслышно произнёс Егор, но Ева чутко отозвалась:

– Да, – сказала она так твёрдо и веско, что даже перестала плакать, – и наше яйцо – сварилось!

Потом торжественно помолчала с минуту и вконец разрыдалась.

Егору было её ужасно жалко, он интеллектуально заметался, пытаясь хоть что-нибудь противопоставить неопровержимости яйца. Но ничего столь же крутого в голову не приходило. Лучше всего бы у него получилось обнять её, как он раньше всегда утешал Еву, с самого восьмого класса. Но с некоторых пор она начала выворачиваться из его всё более нелепых и неумелых объятий, поэтому лучше и не пытаться. «Лучше и не пытаться» – повторил он мысленно и подошёл к ней, провёл по плечам – еле-еле касаясь фалангами пальцев. Ева моментально обернулась, чиркнула по нему огненным взглядом, сказала нежно и грозно:

– Нельзя, нельзя! Я же просила, ну? Как ты не понимаешь! Это больно, – она снова помешала варено, которое весело кипело и булькало, перевела его на маленький огонь и накрыла крышкой набекрень, – я раздваиваюсь. Одна моя часть всё ещё любит тебя, а другая – ненавидит. Одна... – Ева снова всхлинула.

– Я придумал, – внезапно вскрикнул Егор, ещё даже не успев до конца сообразить, какая синица залетела ему в голову. – Давай введём мораторий.

– Мораторий? – удивилась Ева.

– Да, – давай введём мораторий на одни сутки. Ровно до, – он посмотрел на телефонные часы, – 18:56 завтрашнего дня мы не будем вспоминать, думать и говорить о моей измене.

– А что мы будем? – раздумчиво спросила Ева.

– Мы будем смотреть кино, а еще – мы закажем пиццу – твою любимую с горгондолой и грушей, и облещиковый морс, и будем лежать, обнявшись, а потом заснём.

– Ну вот про *обнявшись* я не уверена, – глаза у Евы высохли и поумнели. – В целом... в целом, мне нравится такой план.

– Ура, – сказал Егор и, теряя на ходу тапки, побежал в проходную комнату включать телевизор и искать подходящий фильм.

Субботним утром Ева сладко спала в объятиях Егора, на её щеке отплясывал молодым Константином Райкиным солнечный зайчик. И тут она вдруг открыла свои мальдивные глаза, посмотрела на меня в упор и отчётливым шёпотом произнесла: «Тебе было бы лучше назвать рассказ не «Измена», а «Мораторий». Победно улыбнулась, глубоко вздохнула, слегка съехала по подушке влево вниз, уткнулась Егору носом в локтевой сгиб и закрыла глаза. Солнечный зайчик как ни в чём не бывало продолжил свои прыжки и ужимки на ткани наволочки из Икеи, а я, честно сказать, так офигела, что поджала губы, захлопнула ноут и просидела так примерно с минуту (ну вот, как ты сейчас, когда читаешь этот рассказ – я не вижу отсюда в бумажной версии или электронной – а я тебе говорю: «эй, сядь ровно, вредно так изгибать позвоночник») и смотрю тебе прямо в глаза. Хотя нет, дурацкий пример).

Ровно в 18:56 они решил продлить мораторий ещё на три дня, а потом на неделю, а потом на месяц, а потом они продлевали его каждое третье число каждого месяца много лет. У них родилось двое детей: погодки Виталий – в честь её бабушки и Зоя – в честь жизни и в поддержку Виталия. Виталий окончил психологический, а Зоя, не доучившись на архитектурном, уехала в Питер и открыла свою крафтовую кондитерскую.

Однажды вечером 5 ноября Ева рассовывала по полочкам и шкафчикам посуду из посудомойки, а Егор, как кот, караулил в духовке запекаемый с оливковым маслом и специями батат. Параллельно одним ухом он слушал новости (ну да, им с Евой было уже за пятьдесят, и он слушал новости. Все слушают новости, когда стареют, не старости же им слушать). Молодой диктор рассказывал об известном певце, которому исполнилось в этом году девяносто четыре года, и вот вчера его разбил инсульт.

– Когда меня разобьёт инсульт, – Егор печально улыбнулся, – я непременно запоцзу в фейсбуке селфи с кривой улыбкой и приветливым подъятием действующей руки, и подпишу фото «инсульт-привет!».

Ева радостно захохотала.

– Это ужасно, – сказала она, отсмеявшись.

– Ой, – Егор хлопнул себя по лбу, – как это вылетело у меня из головы?

– Что именно? – Ева поставила последнюю крышку от сковороды боком на верхнюю полочку.

– Я забыл продлить наш мораторий!

– А, ну да, – она закрыла посудомойку, подошла к Егору и обняла его. – Да ну, в нём давно нет необходимости, потому что я и так знаю, что ты меня любишь, а та история была... ну примерно, как я ем имбирные цукаты. Ты же знаешь. Аж трясусь, когда вижу. Пока всё не схомячу, не успокоюсь. К тому же, – Ева нежно поцеловала его в уголок губ, – я должна тебе кое в чём признаться.

– Ну-ка, – Егор слегка напрягся.

– Помнишь, на третий день после того, о чём мы столько лет не говорили, я потащила тебя к психологу?

– Да, помню, конечно, – ты нашла какого-то дебила в инстаграме.

– Ну, положим, не такого уж и дебила. Знаешь, сколько у него было тогда подписчиков?

– Тоже мне критерий ума!

– Ну неважно. В общем, нам с тобой он тогда обоим не зашёл, потому что стремился изо всех сил нас развести.

– Да, помню. Говорю же – дебил.

– Но знаешь, одного его совета я несколько месяцев спустя всё же послушалась.

– Так, и что это за совет?

– Ты только не нервничай. Тебе нельзя волноваться, – произнесла Ева мелодично. – Ничего особенного. Он просто посоветовал мне поступить симметрично.

– В каком смысле? – Егор нахмурился.

– Изменить тебе.

– И?

– И...

– ...?

– Ну я изменила.

– ?!!! – Егор просто открыл рот и не мог ничего сказать, но глаза – глаза были красноречивее всяких слов. Они просто выкатились из орбит, и Егор стал похож на фотографию человека с дефектом щитовидной железы из медицинского справочника.

– Мораторий, – весело закричала Ева и поцеловала его в нос.

РАЗНОСЧИК РОЛЛОВ

рассказ

Ммм... да, походу, последний раз он ел вчера утром. Арслан угостил его каким-то дошиком. Вчера он не работал, спал, а сегодня надеялся на чаевые, но, как назло, все жались, не дали ничего. Он остановил лифт, направлявшийся на шестнадцатый этаж, вышел на седьмом, прошёл через общий балкон на лестницу, сел на ступенях (в левом боку ощутимо кольнуло – приятель Дины зарядил ему с ноги ещё на прошлой неделе), снял короб со спины и достал из него пакет. Пакет был ненадёжно, совершенно символически залеплен продолговатой фиговинной. Он аккуратно подцепил её ногтем и без происшествий отклеил. В пакете обнаружились две большие коробки с сетями, три маленьких с отдельными видами роллов и одна с сушами. Маленькие он сразу отложил, сосредоточился на больших. В принципе, можно незаметно съесть по две штучки из каждого вида. Их тут по раз, два, три... восемь. Будет по шесть. Незаметно. Так иногда режут.

Он также медленно отклеил магическую печать с чёрного гробика, откинул прозрачную крышку и поцеловал спящую красавицу прямо в ролл «Калифорния». Ясное дело, надо было есть медленно и получше жевать, чтобы надёжнее наестся, но одно дело – знать, как правильно, а другое – остановить голодного распалённого принца. Он очнулся только тогда, когда вдруг понял, что роллы немного сдвинулись от его движения, и он нечаянно залез в запретное – одного вида осталось пять штук. Он чуть не расстроился, но тут вспомнил, что иногда в некоторых сетях бывает по полвида. Так что он мог оставить по четыре или даже по три ролла из двух видов. Он решил не мелочиться и оставил по три, соединив три и три, чтобы они смотрелись целостно. В гробике поскучнело. Второй гробик своей наполненностью теперь компрометировал первый. Пришлось разобраться и с ним.

Захотелось пить. Он согрелся наконец, даже чуть-чуть вспотел. Только ступни ещё были холодные. Наладив всё, как было, и засунув в короб, он снова вернулся в лифт и доехал до шестнадцатого этажа. В домофон он не звонил, потому что какие-то молодцы заносили в подъезд мешки с цементом и дверь была распахнута. Перерыва на обед в связи с этим никто не заметил. Он сверил с смс номер квартиры и позвонил. В квартире долго шаркали и возились с замком, когда же дверь открылась на пороге оказалась пожилая полноватая женщина в чёрном тянущемся платье с люрексами и печальным лицом.

– Ой, – женщина всплеснула руками, – хорошо, что вы пришли. Заходите. – И отправилась куда-то в глубину квартиры.

Он достал уже к тому времени пакет с заказом, но не успел ей вручить и мялся на пороге. Вообще-то заходить к клиентам возбранялось.

– Можете не разуваться, – донеслось из недр.

Он потоптался ещё снаружи и перешагнул порог крошечной прихожей, обклеенной пластиковыми панелями, имитирующими кирпич. В прихожей было темновато, свет проникал сюда в основном из кухни. Он снял, придерживая другой ногой задник, кроссовки, пододрнул их в уголок, спрятав дырку в носке между пальцами и пошёл на свет.

Хозяйка наклонилась над столом, досерверовывая фаршированные яйца. Маленький стол был густо уставлен розеточками с разнообразными салатами, судя по тарелкам, всё угощение было рассчитано на четырёх человек. На плите дымилась только что сваренная картошка, а рядом пригелась мисочка, доверху наполненная аппетитными румяными котлетами.

– А садись, садись сюда, – сказала она ему приветливо, как старому знакомому, принимая из его рук пакет и отставляя на микроволновку. – Дверь запер?

– Н-н-нет, кажется, – он оглянулся на прихожую.

– Сиди-сиди, я всё сделаю. А ты вино пока открой. Понимаешь, – она удалилась, чтобы исправить его оплошность, – гости не смогли прийти, а я и вино-то сама не открою, суставы *болят*. – Она так и сказала «болят».

Он нашёл глазами бутылку с красным сухим, рядом с ней штопор и занялся делом.

– Меня Марьиванна зовут, – пригласительно представилась женщина.

– Андрей, – он пыхтел над бутылкой и не сразу понял, что произошло. Марьиванна издала тоненький звук, а потом мерно как будто бы застучала. Когда он справился с пробкой и протянул ей побеждённую бутылку, увидел, что она плачет, закусив рукав своего чёрного платья.

– И сыночка моего Андрюшей звали, – она схватила со стола салфетку, решительно вытерла глаза и громко высморкалась. – Это всё поминки по ему. Не пришел никто... не смог. Ну и ладно, ну и ничего, мы с тобой его помянем. Сейчас... давай-ка вон тарелочку. Сорок дней сегодня.

Марьиванна положила ему столько, что пока тарелка плыла в его руки, с неё дважды с разных сторон что-то упало.

– А водочка есть, – она затормозила над его бокалом бутылку с вином и посмотрела со значением, – мне нельзя, я вино только, – поскольку Андрей с набитым ртом промышал что-то невразумительное, она налила ему вино, – но, если что, ты говори.

Марьиванна взяла в руку свой бокал, как будто собиралась сказать тост, и замолчала, задумалась. Потом втряхнулась и отпила глоток.

– Он ведь знаешь каким был, Андрюшенька мой? Он добрый был, очень добрый. Как-то я его на коляске везла, не ходил он у меня, болели ножки, так его и возила до смерти... Тогда ему тринадцать лет было, да. И вот везу его, а под колёса кошка бездомная – облезлая, худощавая. Я ей «куда под колёса» и отпихнула так, небожно. А Андрюша мой так расстроился, кричал на меня, даже ударить пытался, я увернулась. Кошку так ему жалко стало.

Андрей слушал, опустив глаза в тарелку, изредка кивая.

– У всех своя доброта, – неожиданно даже для себя произнёс он.

– Да-да, – обрадовалась Марьиванна, – я же тоже не со зла тогда, а чтоб под колёса, чтоб не повредила она, кошечка. Мы потом её искать ходили, запаслись кормом, но так и не нашли, другим котам отдали. Ты кушай, кушай. Я тут болтаю, отвлекаю тебя. А твои родные где?

– Мать и три младших брата. В области.

– Навещаешь их?

Андрей вспомнил, как в последний его приезд очередной сожитель матери на глазах у мелких дал ей леща за подгоревшую кашу, и когда Андрей попытался за неё вступиться, она набросилась на него с кулаками и отборным матом.

– Неа, – он наколол котлету целиком и отправил в рот.

– А мы тоже с Андриюшенькой без отца. Он когда узнал, что Андриюшенька инвалидом будет всю жизнь, собрал вещи свои и уехал. И больше – всё, не видели мы его. А два года назад сестра его позвонила и сказала, что умер. Сердце не выдержало. Переживал, видать. Конечно, своего сына оставить. Это ж как тяжело. Тоже был хороший. Весёлый, ласковый. Цветы дарил. Давай – за упокой его души, – она требовательно приподняла и приблизила бокал к бокалу Андрея. – Упокой, Господи, душу раба твоего Алексия, прости ему прегрешения вольные и невольные и даруй ему Царствие Небесное.

Андрей выпил вина. В целом, он уже основательно наелся. И вообще-то, по-хорошему надо было возвращаться к работе, но он уютно устроился на этой маленькой кухне, пригрелся и никуда больше не хотел уходить.

– Андриюша, он рисовал красиво, драконов, девушек. Я покажу тебе потом, – сказала она доверительно. – И стихи писал. Сложные очень. Как-то даже в журнале специальном опубликовали. Я читала, грешным делом, ничего не поняла. Талант у него был. Ты ешь, ешь. Давай я тебе ещё котлеток подложу, – она потянулась за его тарелкой.

– Нет-нет, спасибо, я уже наелся, – Андрей прикрыл рукой тарелку от посягательств. – Очень вкусно.

– Тогда давай за упокой души Андриюшеньки моего, сыночка моего, – Марьяванна наполнила бокалы. – Пусть ему там будет хорошо, тепло, сухо, спокойно, пусть будет лучше, чем здесь, – она снова судорожно заплакала, сожмурившись с такой силой, что больно было смотреть. – Пусть там лучше будет, раз тут ему так плохо было, что не захотел он остаться со мной. Маленький мой Андриюша, сыночек мой. – И она выпила весь бокал большими глотками, как воду или как лекарство. – Так люблю его, так люблю, сил нет, боль какая.

Андрей смотрел на неё и внутри поднималось странное чувство, природу которого он затруднялся определить. Ему вдруг страшно, как никогда раньше, захотелось, чтобы его тоже любили. Вот так сильно, до боли, до слёз. Но никто в его жизни не любил его, никому он не был нужен. Ни матери, ни дуре Динке, никому на свете. И так ему стало грустно, а может быть, он уже немного опьянел, что он тоже заплакал. Марьяванна поднялась со своего места и, не глядя (как только она поняла, что он заплакал? почувствовала как-то), обняла его. И так сидели они бесконечность. А потом как-то отпустило. Даже неловко стало. А потом они ещё выпили, вспомнили о роллах, закусили и ими.

– Поздно уже как, – воскликнула Марьяванна, взглянув на микроволновочные часы.

– Да-да, пора мне, – засобирался Андрей.

– Что ты, куда там он пойдёт. Час ночи. Никуда нельзя, сейчас я тебе постелю.

Марьяванна принесла Андрею банное полотенце зелёного цвета и домашнюю одежду – трикотажные чёрные брюки и майку с надписью «Поэзия или смерть».

– Вот это всё чистое, не бойся, одевай.

Андрей взял и нетвёрдой походкой отправился в ванную.

Заснул он практически моментально. Давно уже он не лежал на чистом вкусно пахнущем белье, и так ему было хорошо, так хорошо...

Андрей проснулся. Солнце светило в комнату сквозь пыльно-бежевые занавески. Вошла Марьяванна с подносом, на котором стоял стакан с чаем в подстаканнике и тосты с сыром.

– Чай с лимончиком, как ты любишь, Андриюшенька, – проворковала Марьяванна и поспешно вышла.

Андрей привычным движением откинул одеяло и на руках перенёс своё тело в рядом стоящее инвалидное кресло. Подъехал к компьютеру, включил его, пальцы сами бегло набрали пароль. Он отпил горячий сладкий чай из стакана и с удовольствием захрустел тостом. На тумбочке звякнул сообщением телефон. Андрей подъехал, взял телефон, просмотрел. Арслан писал ему про какой-то ключ. Не так. Какой-то Арслан писал ему про какой-то ключ. Надо было умыться. Андрей легко выехал из своей комнаты, проехал по коридору мимо жёлтого короба, криво нагнувшегося влево, и закрылся в ванной, чтобы приступить к утреннему туалету.